

«КРАСУЙСЯ, ГРАД ПЕТРОВ...»

**Этот город, неровный, как пламя,
Город-кладбище, город-герой,
Где за контуром первого плана
Возникает внезапно второй!**

**Этих храмов свечение ночное,
Этих северных мест Вавилон,
Что покинут был расой одною
И другою теперь заселён!**

**Где каналов скрещённые сабли
Прячет в белые ножны зима,
И дворцовых построек ансамбли
Приезжающих сводят с ума!**

А. Городницкий

«Есть этот город...»

«Татьяна Галушко... Сейчас мало кто вспоминает это имя. А жаль. Это был смелый, душевный человек, с огромным талантом, поэт, пушкинист, переводчик...»

Миша Лют

«...она была одним из тех людей, благодаря которым жизнь в шестидесятые — восьмидесятые оказалась более осмысленной и легче переносимой, нежели могла быть... вот такой преданности поэзии сегодня, пожалуй, и не встретишь».

Александр Кушнер

Есть этот город. Вот чего
не отряхнуть. Есть этот город.
Его бездушное чело
в моем окне. Он слишком горек

моим губам — чтобы забыть,
моим глазам — он слишком солон.
Он мне рождением адресован
и волен потому — убить.

Была я дочка. И жена.
И стала матерью. И стала
вдовой. И думать перестала,
что быть счастливою должна.

Я на краю. Мой город — край
из неба, и воды, и глины.
Мой свет, мой мрак сошелся клином,
и нету жеста — «выбирай».

Есть этот город. Из ладьи,
поставленной волне навстречу.
Мне больно: так он безупречен,
как будто создан не людьми.

Как будто их преодолел,
впитал в себя их, как бумага.
А нас одолевает тяга
к нему, в его плескучий плен.

Его покинуть? Но куда
подамся? Смилуйся, не смейся:
все в имени — Адмиралтейство —
моя гордыня и беда,

и безымянный голос мой,
усвоенный высоким сводом,
и очищенье, и свобода,
и мой кораблик золотой.

Все площади замешаны в родстве,
все улицы уличены в потворстве.
На шпиле остром и на камне чёрством
следы от губ — как почки на ростке.

Я город исцелованный ношу
в груди. Он изнутри палит мне губы.
Тепло без дома, горячо без шубы.
Я ничего, ты слышишь, не прошу!

И без плеча могу, и без луча:
не прирастает снег к стремнине красной...
Но ты стой. Побудь. Пускай погаснет
на пять минут настольная свеча.

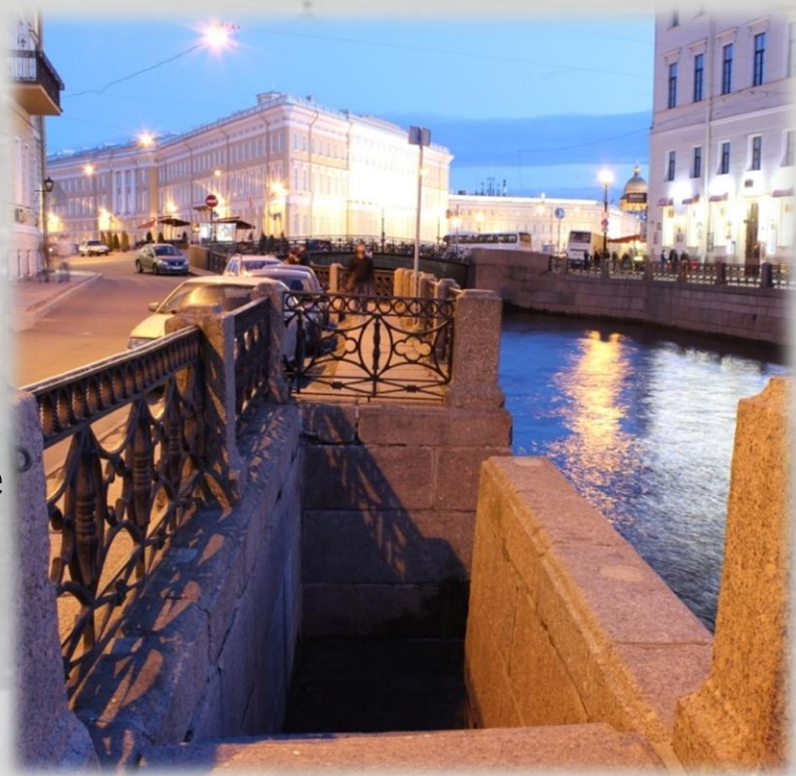

Набережная Мойки

Чью тень, о други, видел я?..

А. Пушкин

Решетки этот почерк отродясь
Я жалованной грамотой считала,
Я каждый день чугуна ее читала,
И между нами возрастала связь.
Меж небом и гранитной мостовой,
То в снеговом, то в лиственном плясанье
Незыблемо ее правописание,
Младенчески затверженное мной.
По воздуху стремительным перстом
Прочерчена мгновенная подробность,
Не то сто тень, а словно некий образ
Меж Красным и Конюшенным мостом.

И для меня уже который год,
Особенно при небольшом тумане,
На Мойке так необходимо-странен
Изгиб реки и зданий поворот.
Предчувствие открытья и беды
В одушевленном том столпотворенье
Особняков. В наклонном ускоренье
Решетки – вспять движению воды.

Зачем мне знать, что называлась Мья,
Для лодок в берега вбивали колья...
Есть признак места, выраженный болью.
Боль – от и – до. И это знаю я.
От Красного – к Конюшенному. Вот
Где стык углов и стык белил и охры
Сжимает узко берега и горло
И внешней правдой быть перестает.

Т. Галушко

* * *

Грифоны Банковского моста
У полукружия стены
Встают виденьем Ариосто
И видят сумрачные сны.
Одеты в снежные тулупы,
В сиянье золоченых крыл
Они увесистые крупы
Вписали в кружево перил.
И над безмолвием канала
В колючем инее оград,
Где их зима околдовала,
Глазами мертвыми глядят.

Вс. Рождественский

Адмиралтейство

В столице северной томится пыльный тополь,
Запутался в листве прозрачный циферблат,
И в тёмной зелени фрегат или акрополь
Сияет издали, воде и небу брат.

Ладья воздушная и мачта-недотрога,
Служа линейкою преемникам Петра,
Он учит: красота - не прихоть полубога,
А хищный глазомер простого столяра.
Нам четырёх стихий приязненно господство,
Но создал пятую свободный человек.
Не отрицает ли пространства превосходство
Сей целомудренно построенный ковчег?
Сердито лепятся капризные медузы,
Как плуги брошены, ржавеют якоря;
И вот разорваны трёх измерений узы,
И открываются всемирные моря.

Осип Мандельштам

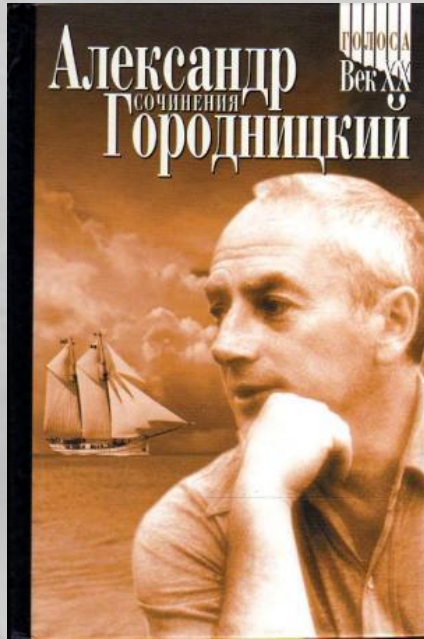

«— А я вас вспоминал, — сказал старик.
Мы четверть часа вместе шли каналом,
И я потом всю осень повторяла
Короткий путь до Мойки напрямик.
За четверть часа краешек чужой
Бесценной жизни оказался рядом.
За церемонностью речей и взгляда
Читалось одиночество. Большой
И людный город в стороне держался.
— День изо дня теперь одно, одно...
Друзья, враги уже ушли давно,
Представьте, как я долго задержался.
Но надо жить, покуда хватит сил,
Что ни весна — то счастье обновления,
Одно печально, что теряю зренье...
Я двор запомнила, куда он уходил.
И вот зима, и Мойка, и канал,
И человек, стоящий у ограды.
Я подошла, и мне была награда —
Он улыбнулся: я вас вспоминал.»

Валентина Лелина

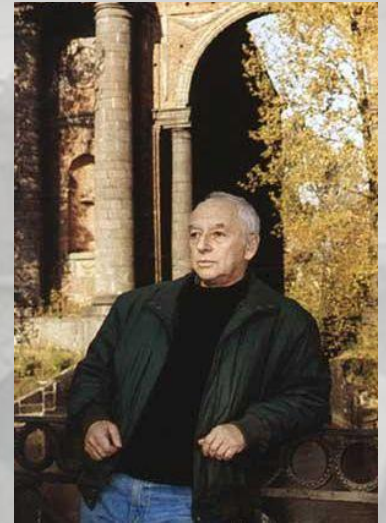
Петербург

Кем вписан он в гранит и мох,
Рисунок улиц ленинградских,
На перепутье двух эпох,
Бессмысленных и азиатских?

Насильно Русь привёл сюда
Разочарованный в Востоке
Самодержавный государь,
Сентиментальный и жестокий.

Здесь, первый выплавив металл,
Одев гранитом бастионы,
Он об Италии мечтал,
О звонкой славе Альбиона.

Не зря судьба переплела
Над хмурой невскою протокой
Соборов римских купола,
Лепное золото барокко.

И меж аллей, где тишина
Порхает легкокрылым Фебом,
Античных статуй белизна
Сливается с полночным небом.

Прости же, Англия, прости
И ты, Италия седая!
Не там Владимир нас крестил —
Был прав безумный Чаадаев.

Но, утомлённые Москвой,
Купив билет на поезд скорый,
С какой-то странною тоской
Мы приезжаем в этот город.

И там, где скользкие торцы
Одела влажная завеса,
В молчанье смотрим на дворцы,
Как скиф на храмы Херсонеса.

Шумит Москва, Четвёртый Рим,
Грядущей Азии мессия,
А Петербург — неповторим,
Как Европейская Россия.

* * *

Санкт-Петербурга каменный порог
Славянские не одолеют тропы.
Так близок он и всё-таки далёк
От видимой, казалось бы, Европы!

Отделена границей узких вод,
От острова с Ростральною колонной,
Здесь Азия упорная живёт
За Лиговской, Расстанной и Коломной.

В нём тонут итальянские дворцы, —
Их местный грунт болотистый не держит.
И бронзовую лошадь под уздцы
Не удержать — напрасные надежды.

И царь в полузатопленном гробу
Себе прошепчет горестно: "Финита.
Империи татарскую судьбу
Не выстроишь из финского гранита".

Не первый век и не последний год
Среди пастушек мраморных и граций
Здесь русская трагедия идёт
На фоне европейских декораций.

Городницкий А.М.
1994

Когда я в разлуке про Питер родной вспоминаю,
Взирая на облик его многочисленных карт,
Всё время мне кажется область его островная
Похожей на сердце, которое гложет инфаркт.

Ещё под крестом Александровым благословенным,
Как швы, острова ненадёжные держат мосты,
Ещё помогают проток истлевающим венам
Гранитных каналов пульсирующие шунты.

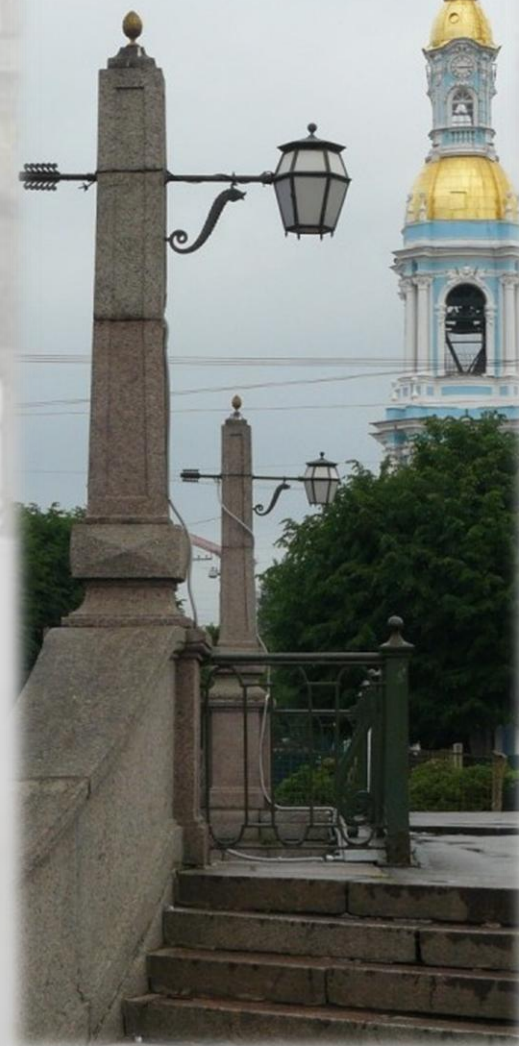
Но сквозь оболочку как будто живущего тела
Уже проступает его неживое нутро.

Исходит на нет кровеносная эта система,
Изъедено сердце стальными червями метро.

Живущие ныне — лимитчики и полукровки, —
От них этот город уходит теперь навсегда, —
Он с теми, кто канул в бездонные рвы Пискарёвки,
Кто возле Песочной лежит без креста и следа.

Взгляни на него, ностальгией последнею позван,
На серое взморье в балтийской закатной крови,
И сам убедишься, что реанимировать поздно,
Как Санкт-Петербургом вдогонку его ни зови.

1991

А. Городницкий

Санкт-Петербург

Этот город неприкаянных людей,
Принимающий бездомных так легко,
Не способен обогреть своих детей,
Потому что расположен высоко.
Высоко над отоплением земным ,
Над покорностью других периферий,
Он к себе суров и к жителям своим,
Он не злой, но так уставший от мессий .

И уставший, но не ставший ни жлобом,
Ни искателем виновных и врага,
Ни девчонкою, торгующей теплом,
Он глотает ядовитые снега.
И разбитыми ладонями плотин
Упирается в бушующий залив,
Но, как лики монументов и картин,
Он по-прежнему спокоен и красив.

Олег Митяев

И уж если ты в туман его густой
Окунешься среди ржавых кораблей,
Ты отравлен будешь песнею морской
И виденьями качающихся рей.
"Крузенштерна" льдом поросший такелаж
Станет грезится в простых сосульках с крыш,
И однажды этот город ты предашь
И в другой далекий город убежишь.

И совется из дорог бескрайних сеть,
Ты запутаешься, как плохой рыбак,
В океанах, проститутках и тоске,
И поймешь, какой ты все-таки дурак.
Оглянувшись, ты увидишь, как блестит
Петербурга шпиль высокий сквозь года,
И, конечно же, он примет и простит,
И ты больше не уедешь никуда.

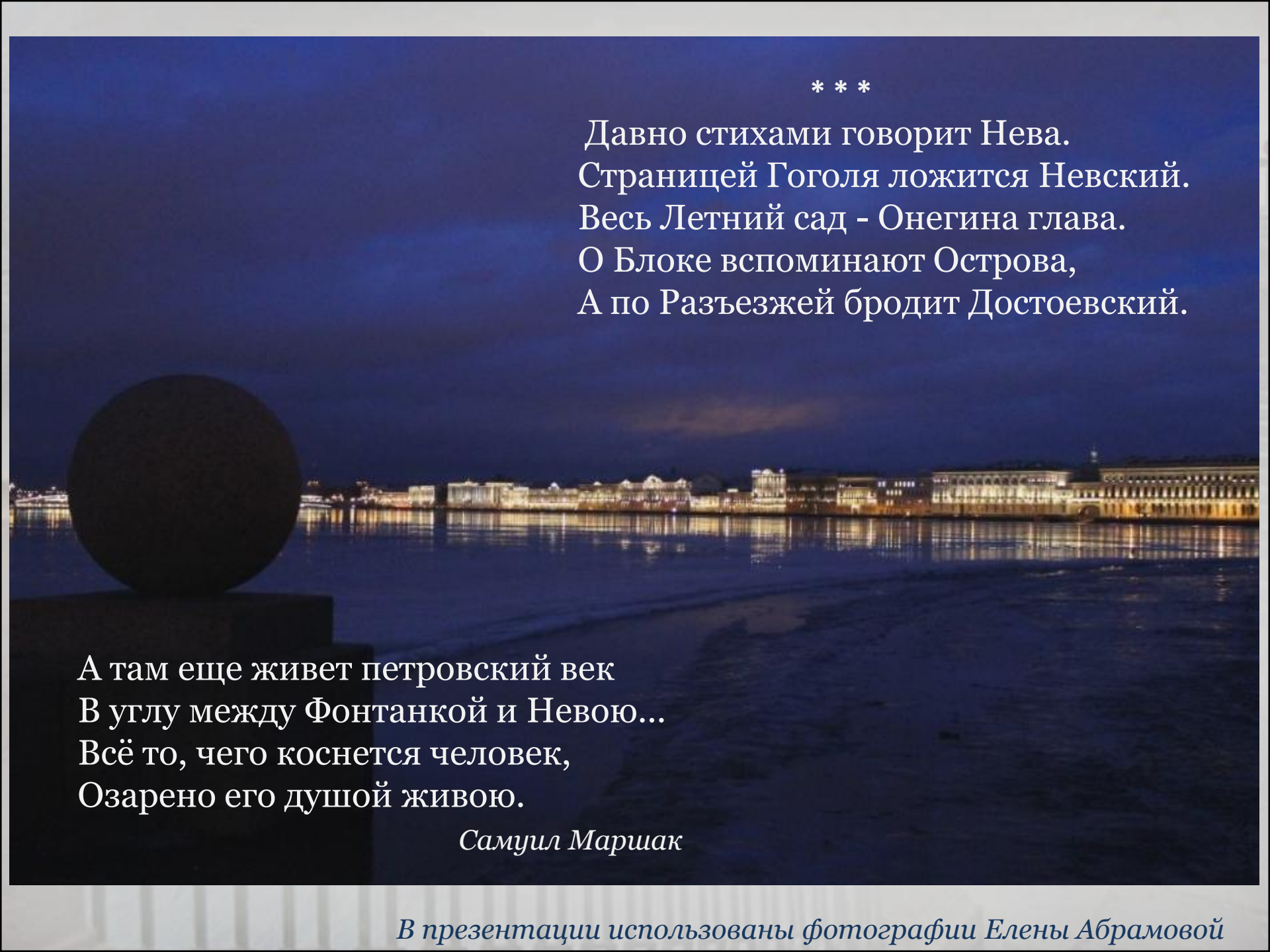
Хочу я жить среди каналов и мостов
И выходить с тобой, Нева, из берегов.
Хочу летать я белой чайкой по утрам
И не дышать над Вашим чудом, Монферран.

А. Розенбаум

* * *

Давно стихами говорит Нева.
Страницей Гоголя ложится Невский.
Весь Летний сад - Онегина глава.
О Блоке вспоминают Острова,
А по Разъезжей бродит Достоевский.

А там еще живет петровский век
В углу между Фонтанкой и Невою...
Всё то, чего коснется человек,
Озарено его душой живою.

Самуил Маршак

В презентации использованы фотографии Елены Абрамовой